

*Светлой памяти моего папы
Александра Ивановича*

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

Двое детей — это уже много, а трое — это еще мало.

Общеизвестный факт

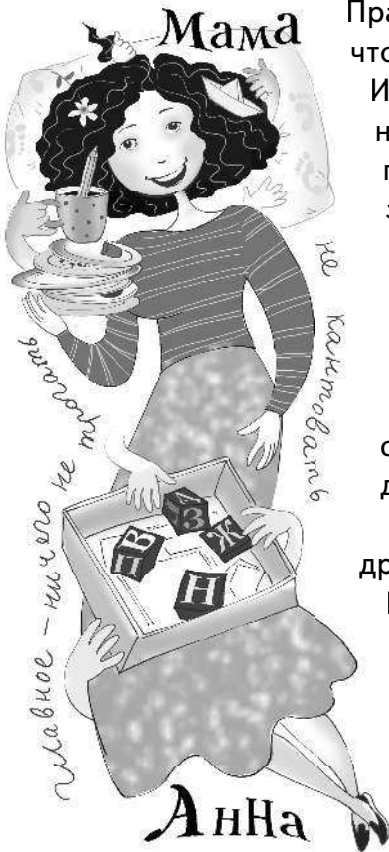
В городе Москве в двухкомнатной квартире жила-была семья Гавриловых. Семья состояла из папы, мамы и семерых детей.

Папу звали Николай. Он писал фантастику и боялся даже ненадолго отойти от компьютера, чтобы мелкие дети не впечатали в текст какие-нибудь посторонние буквы. Но буквы еще ладно. Много хуже, когда дети случайно ухитрялись удалить кусок текста, а папа обнаруживал это только месяц спустя, когда начинал править книгу.

И еще папу все время дергали, потому что он работал дома, а когда человек работает дома, всем кажется, что он всегда свободен. Поэтому папа вставал в четыре утра, прокрадывался с ноутбуком на кухню и замирал, когда слышал, что в соседней комнате по полу начинают стучать детские пятки. Это означало, что ему не удалось выбраться из комнаты незаметно и сейчас на нем повиснут один-два ноющих ребенка.

Маму звали Анна. Она работала в библиотечном центре главной умелой рукой в кружке «Умелые руки».

Правда, чаще она сидела дома, потому что у нее рождался очередной малыш. И еще у мамы одно время был интернет-магазин развивающих игр и учебных пособий. Интернет-магазин находился на застекленном балконе. Там он обитал на множестве полок, которые папа сколотил, попадая молотком себе по пальцам. Детям очень нравилось, что у них есть свой магазин. А еще больше нравилось, когда мама в большой комнате собирает заказы, раскладывая на ковре десятки разных интересных игр.

Они тогда сидели и говорили друг другу: «Главное — ничего не трогать!» При этом старшие на всякий случай держали младших за руки. Младшие же или кусались, потому что не очень приятно, когда тебя держат, или проникались чувством ответственности и тоже поучали друг друга: «Главное — положить все на место!» и «Главное — если открыл пакетик, потом его аккуратно закрыть!»

Но все равно, если мама ненадолго отлучалась, чтобы выключить молоко или ответить по телефону, бандероли покупателям уходили с неправильно рассортированными кубиками, выгрызенной мозаикой или совсем без фишек. А один заказчик получил в коробке папину тапку и был недоволен при-

мерно в той же степени, что и папа. Они оба потом долго созванивались, договариваясь, где им встретиться, чтобы вернуть тапку, но так и не встретились. Около полугода папа Гаврилов утаскивал вторую тапку у кого-нибудь из детей или у мамы, а они его все хором разоблачали.

Кроме детей, умелых рук и игр на маме была работа семейного доедалы. Как только у нее появлялось свободное время, она сразу доедала все с детских тарелок и шла спать.

— Меня не кантовать! — заявляла она.

Пете, самому старшему из гавриловских детей, было пятнадцать. Он целыми днями с кем-то таинственно разговаривал по телефону, выскочив на лестничную площадку, где его могли слышать только пять этажей соседей, уроки делал глубокой ночью и дома отгораживался от братьев и сестер мебелью, на которую вешал таблички «**Не входить!**». В школьных анкетах Петя писал, что он единственный ребенок в семье, а на улице шел в стороне от всех, чтобы не подумали, что вся эта толпа — его родственники.

При этом, когда младшие дети иногда на неделю уезжали к бабушке, Петя явно скучал. Ходил по пустой квартире, заглядывал под кровати и задумчиво говорил: «Чего-то тихо как-то! А эти-то когда приедут? Скоро уже?»

Его сестре Вике было тринадцать. Она не могла сесть за стол, пока на нем была хотя бы одна крошка. И не могла лечь в кровать, пока не разгладит простыню так, что исчезнет последняя складочка. Еще Вика постоянно танцевала сама с собой и принципиально читала только те книги, в которых действуют или хотя бы просто попадают лошади. Например, в «Войне и мире» лошади встречаются — значит, «Войну и мир» она читала. А в «Горе от ума» лошадей нет — значит, «Горе...» оставалось навеки непрочитанным, хоть бы учительница даже повесилась на шторах. И не важно, что «Горе...» в семь раз короче и в пять раз проще.

Домашнее задание Вика всегда выполняла с огромной тщательностью и по полчаса страдала, когда строчка подходила к полям, а у нее оставалось еще три буквы или цифры. На новую строчку переносить глупо, а если закончить на этой, то придется залезть за поля!

Мама и папа не уставали удивляться, как Вика ухитряется совмещать в себе романтика, любящего лошадей, и все эти складочки на простынях, страдание из-за залезания на поля и крошек на столе.

Кате недавно исполнилось одиннадцать. У нее было прозвище Екатерина Великая. Она единственная из всех детей знала пароль от «большого компьютера», и братьям и сестрам приходилось умолять ее, чтобы она его включила. «Зачем? А ты уроки сделала? Ты руки помыла? Ты вещи свои убрал? Зубы когда ты последний раз почистил?» — строго спрашивала Катя, после чего обличаемый с воплем «у-у-у» и слезами нетерпения на глазах мчался торопливо давиться кашей или чистить зубы.

Однажды папе это надоело, и он вообще удалил с компьютера пароль. Но от этого всем стало только хуже. Дети ссорились — каждый хотел смотреть или делать на компьютере что-то свое, а малыши сидели перед монитором столько времени, что падали со стульев. Поэтому пришлось вернуться к системе Катиного самовластия, и опять все стало спокойно.

В свободное от активного руководства время Катя ходила по квартире и расклеивала желтые бумажки с объ-

явлениями: **«Стулья не красть! Они поставлены окончательно!»** или **«Поигранные игрушки должны быть убраны до 19.00!»**.

Алене было восемь. Она постоянно влюблялась, и это удивляло ее сестер, потому что Катя и Вика, хотя и были старше, влюблялись крайне редко. У Алены было прозвище Девочка Нет. Попросишь ее что-нибудь сделать — она сразу крикнет: «Нет! Ни за что! Фигушки!» И сразу сделает. А другие ответят: «Да-да, сейчас!» — а потом три часа надо ждать. И поэтому получалось, что Девочка Нет помогала с малышами больше всех.

Шестилетний Саша был великий химик. Он смешивал все подряд с чем попало и смотрел, что из этого выйдет. Например, смешает обувной крем с яблочным соком, пшикнет туда дезодорантом из туалета и проверяет, взорвется это или не взорвется. Больше всего от Сашиних опытов страдали продукты, особенно мука и яйца, и жидкости с верхних полок в ванной. Однажды он случайно открыл, что уксус и сода, если все правильно смешать, могут устроить большой бабах, и с тех пор уксус и соду приходилось чуть ли не скотчем приклеивать к потолку, потому что Саша их вечно похищал. Свои таланты Саша скромно характеризовал так: «Теперь меня зовут Сверхспособность! Теперь меня зовут Мегамозг! Теперь меня зовут Летающая Тряпка!»

У четырехлетнего Кости плохо работала левая рука, и он немного хромотал. Но хромота не мешала ему даже бегать, а вот руку приходилось постоянно разрабатывать, что было причиной вечного маминого беспокойства. Зная, что на левую руку он положиться не может, Костя все время ходил с деревянной саблей и мастерски умел бодаться. Саша и Костя могли сосуществовать мирно не больше пяти минут в сутки. Даже в машине их нельзя было сажать рядом, а только еще через какого-нибудь ребенка. Зная твердость Костиной

головы, Саша драться с ним боялся и предпочитал взрывать брата издали или обстреливать из катапульта. Заканчивалось все обычно тем, что Саша подбивал Косте глаз кубиком и прятался от его ярости под диваном, а Костя колотил по дивану саблей и кричал: «А-а! Убейте его по попе!»

Рите недавно исполнилось два. Разговаривала она еще плохо, но была очень круглая и вечно ела. Первый завтрак, второй завтрак, третий завтрак, а там уже и время обеда придет. Если же еду от нее прятали, Рита похищала из ванной мыло и обгрызала края. И еще Рита постоянно хотела заполучить именно те вещи, которые находятся в руках у ее братьев и сестер. Пеналы, рюкзаки, учебники — не важно что. Чтобы добиться своего, она устраивала дикие концерты. Поэтому другие дети вечно придумывали варианты, как ее обхитрить. Возьмут какой-нибудь носок или

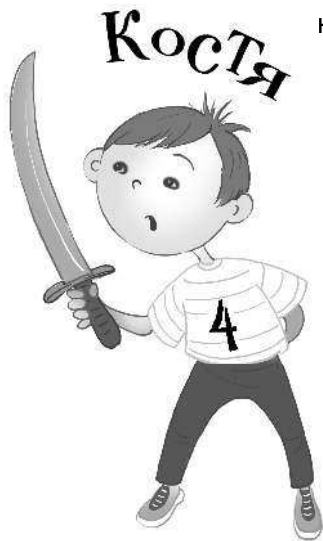
никому не нужную голову от куклы и притворятся, что ни за что не дадут их Рите. Рита устроит концерт, получит голову куклы и побежит ее прятать. И все уже могут спокойно делать уроки.

Когда такая большая семья гуляла, то все охали. К ним часто подходили разные люди, особенно пожилые, и спрашивали:

— Это все ваши?

— Ну да, наши, — осторожно отвечали папа и мама.

Дома дети спали на двухэтажных кроватях, стоявших буквой П, а у младших,

кроме того, были еще детские кроватки с вынутыми рейками боковой решетки. Потому что когда боковые рейки не мешают, кровать можно поставить вплотную к родительской и вкатывать-выкатывать туда детей как колобков.

Но, несмотря на все ухищрения, в двухкомнатной квартире Гавриловы уже помещались плохо, ванная была вечно занята, дверь туалета то и дело сносили с петель, а отношения с соседями по подъезду были прохладными. Видимо, из-за внутренних перегородок дома, которые были очень тонкими и легко пропускали звуки. Большинство соседей входили в положение, но на втором этаже обитала одинокая старушка, которую вечно терзали подозрения, что детей ночами пилят тупой пилой.

— Почему они у вас так орал в час ночи?

— Потому что Рита хотела пойти в магазин, а другие дети ее успокаивали, — терпеливо объясняла мама.

— Вы родители! Объясните ей, что в час ночи магазины не работают!

— Мы объясняли, но она поверила, только когда мы отвезли ее в магазин на машине и показали, что он правда закрыт!

— Мне это все не нравится! Я буду бдеть! — бледнея, говорила бабушка.

